

Мария Александровна Платонова

Мария Александровна была бы совершенно счастлива, что в этой единственной (и посмертной, М. А. Платонова скончалась в Москве 9 января 1983 года) заметке о ней — больше говорят об ее Андрее. Но пусть все знают, что была она красавица из красавиц; что не удерживала Платонова в его подвиге; что не попрекнула его трагической судьбой их замечательного и единственного сына; что горе и страдания не иссушили их жизни и любви; что Платонов обожал ее и гордился своей Марией; что, как и авторы «Смерти Ивана Ильича» и «Братьев Карамазовых», своим любимым, он свои «Епифанские шлюзы» (тоже непревзойденное в мировой литературе!) посвятил юной любимой Марии Александровне; что, несмотря на преследовавшие ее душевные невзгоды, она в своей беспредельной преданности находила силы вновь и вновь подыматься, прокладывая слову Платонова дорогу к самым простым людям, которых он очень любил...

Современный читатель благодаря именно ей открывает для себя первого из писателей с дыханием классиков — в наше время «потока сознания», экспрессионизма, отсутствия мировоззрения. А в русской литературе Платонов, придя со своей тайной, открыл и ходы, которые еще никто не знал. Язык его можно посоветовать любому классику. Оперировав спецификой, он и оценивал новые возможности родного языка, не отказываясь от своей главной радости и страсти: сказать (опять всему миру!) правду о своем, теперь уже советском, народе — отправившемся в путь, который Платонов назвал «безвозвратным». И рабочий человек, где бы он ни был, даже по нескольким словам платоновским сразу поймет: какого защитника его и певца какой силы — неподкупного, смелого, горячего — подготовила вся предшествующая наша литература, проверившая свою совесть и ставшая на сторону трудящихся людей!

В жизни, как в творчестве, есть художники, всю жизнь занимающиеся искусством, но они — неталантливы. Живут долго и упорно, но не имеют огня-связи с миром вечности, уходят в абстракцию — от недостатка ответственности. Платонов же — на сыром материале действительности нащупывал вечные законы, противоборствующие хаосу.

Известный священник Дудко пришел к Марии Александровне и сказал ей, что Платонов был верующим человеком. «Как?!», — удивилась милая Мария Александровна. А много позже говорила мне раздумчиво: «Может быть, и правда, что он был верующим... В 44-м году он написал мне с фронта: «Мария, сходи в церковь и отслужи панихиду по нашему сыну».

«Сплошного народа на свете нету» — это есть великое слово, произнесенное только Платоновым.

Сочувствие, понимание страдательного начала жизни — одна из побудительных причин искусства. Искусство — красота, уже начало истины, следовательно — добра. Волевое начало творческой мысли и чувства. И потому — невероятно, что вещи Платонова мрачны. Тот, кто так его воспринимает, не услышал главного голоса мудрой надежды на становление победы духа над бессмыслицей и злом.

Пожалуй, в такой широте это новое чувство мира еще не входило в нашу литературу (в поэзии оно было только у Клюева, и могло быть у Хлебникова). После всех явился Платонов — как человек уже другого строя души: ближе бесконечно Толстому и Достоевскому, но в больших трудностях становления мира и трагедий, развертывающихся на глазах, в более

трудную для творчества эпоху. Но, как и они, он рано понял, что обретает силу назвать увиденное, познать в больших связях и соотношениях малого с великим. Его находкам воображения нет конца, как в детском творчестве. И основное ощущение реализма (не побоимся этого затасканного слова) остается у него главным, и широко льется последовательное повествование: «Ворота депо были открыты в вечернее пространство лета — в смутное будущее, в жизнь, которая может повториться на ветру, в стихийных скоростях на рельсах, в самозабвении ночи, риска и нежного гула точной машины». Чистота его ритмов и именно льющаяся форма, сила и обаяние его определений, казалось бы, самых неуловимых соотношений наблюдаемых явлений и найденная форма размышлениям и логике убежденного сознания, делают Платонова недостижимым в строгости, аскетизме и целостности этих решений!

Но загадка Платонова — сугубо русского писателя — еще не разгадана. Мария Александровна до наших дней доносила весть об этом «сокровенном» человеке — нетребовательном сыне русского народа.

Она горячо любила Платонова, она его обожала: «Тебе хорошо сейчас, лежишь тут, а я здесь мучаюсь, — вдруг начинала ругать его, сидя на могиле, — все писатели женам дачи поставили, а ты только болтовней занимался, все бы только болтать ему! Почему ты ни разу не написал о нашем сыне, он был талантливее тебя в тысячу раз!» А уходит — она прощается: «Ну, до свидания, мои дорогие, я скоро опять приду». И мне — простодушно-мечтательно: «Ах, как бы было хорошо вернуться сейчас всем домой вместе, я бы пирогов напекла!»...

На одном из вечеров памяти его 80-летия, в Чеховском доме-музее — показала мне на огромного толстого, неряшливо одетого старика с разбухшим портфелем: «Вот он меня, это Зенон Балабанович, в 20-м году в Воронеже познакомил с Платоновым, привел его ко мне в общежитие, я училась на литфаке университета, я тогда фыркнула еще: «Фи, какой!», а потом...»

«Андрей до шестнадцати лет и книг-то не читал, а теперь я составляю каталог — так только до 1920 года он опубликовал в местной и центральной прессе около двухсот заметок и статей».

Гений возраста не знает. Уж если Пушкин чуть не ли в семь лет мог написать, что «не говори: так вянет младость...», — откуда он мог знать в этом возрасте, что «младость вянет»?!

А мы — не знаем вообще ничего. Мы не знаем связей Платонова с Ключевым, Бальмонтом, возможно, с Буниным, а они могли быть, не могли не быть: открывается же ведь только теперь, что Ключев был связан с Толстым, ходил к нему мальчишкой, и тот его принимал...

Самое величественное на свете, самое грандиозное, самое-самое интересное, непостижимое и дорогое — это связь. (Религия так и переводится этим словом.)

А сходи теперь попробуй, например, к Нагибину! Я сунулся было к нему с этой заметкой, еще при жизни Марии Александровны, — он и не пошевелился: «Ну что вы хотите? Я прочитал вашу статью. Мария Александровна — красивая была женщина. Красивая женщина». И это все, что он мог сказать.

«Одно время мы жили на углу Художественного проезда и Пушкинской, где теперь колбасный магазин, на пятом этаже, я иду, бывало, с сумкой, а Багрицкий, сосед, любезник был, возьмет у меня и несет, а сам задыхается, у него жаба грудная была, а Андрей стоит наверху, облокотившись на перила, и смотрит, ждет, говорит: «Сумку ей несешь, ну-ну...»

«Ревновал ко всем. Я в издательстве работала редактором, он придет к директору, а на меня не глядит, сядет, говорит ему: «Чего ты ее тут держишь, увольняй, одни мужики только и ходят на нее смотреть. Увольняй ее».

В юности училась пению у самой Збруевой. «Платонов не давал, он говорил, что все актрисы — б..., а он Збруевой нравился, она одобряла мой выбор, любовалась нами».

У другого гения русского солнечного, у Бальмонта, есть пронзительные строки, обращенные к первой, самой любимой жене Катерине, что: «ты, любовь ревнуя, ревность скрыла». Иной любви у Платонова никогда не было, а вот «ревность скрыть» приходилось и Марии Александровне, и не забыть мне вовек того, что я узнал от нее: «Когда он умирал — то все держал мою руку и все рассказывал, рассказывал... Я ночи не спала, меня все клонило, я

умоляю: «Андрей, я посплю», а он все просит: «Мария, не уходи», все хотелось ему еще и еще рассказать...» И трогательно-щемяще удивлялась, наивно как-то, беззащитно и непридуманно: «Неужели все это было неправда? Ведь он же МОЮ руку держал, ведь он же МНЕ рассказывал!..»

Посмеивалась: «Да, «любил»!.. Бросал всегда, уезжал куда-то надолго. Правда, с каждой станции открытки присылал — увидит какую-нибудь старуху или мальчишку, чего-нибудь интересное — и напишет. У меня этих открыток целые мешки были, я их сдала в ЦГАЛИ недавно».

«Раз по 20 в день звонил: «Позовите Марию». Мама скажет ему: «Андрей, ты мне надоел!»

«Распустили сейчас слухи, что Маргарита — это я, а Мастер — это Платонов. Да, Булгаков называл Платонова мастером, бывал у нас на «средах», всегда сидел вот на этом диване, в уголке, слушал Платонова молча, зыркал глазами, говорил нервно: «Андрей, ты мастер, ты мастер!», но при чем тут, что «я — Маргарита»? Кто-то придумал».

«Шолохова Платонов любил, он часто у нас бывал, когда приезжал в Москву. Веселый был, выплясывал гопака у нас на кухне, вприсядку. Когда Андрея хоронили, в могилу опускали, и меня туда клонило — за руки меня держал: «Мария, все, что хочешь, проси — все сделаю». Потом ни разу не зашел, не помог. И у Андрея — один брат известный ученый, другой тоже не бедствует, сестра — врач, состоятельные люди, а ни разу за все эти годы копейки не прислали, Машеньку к себе не пригласили, уж как мы бедствовали!.. Это они сейчас все разлетаются и Андреем интересуются — им сказали, что он мировой писатель. Сестра Андрея — совсем чуждый человек, Андрей умирал — говорил мне: «Верку к гробу не подпускай».

Валентина Александровна, младшая сестра Марии Александровны — легко рассказывает, любовно: «Я уже замужем была, у нас дети были, а муж мой Петр Артемьевич, инженер-конструктор, все заработанное им отдавал, сам в шароварах байковых годами на службу ходил, а у них ничего не было, они очень бедствовали, Андрей ему свои книжки дарил, с надписями хорошими, говорил: «Петруша, ну чем еще я могу тебя отблагодарить...»

Я еще застал Петра Артемьевича — красивый, невероятный был человек, совершенно обожал Платонова. Был уже очень пожилым, а лицо — юношеское. Прожил со своей любимой Валентиной счастливую жизнь. Умирал мучительно. Помню, на поминках по Марии Александровне на чьи-то слова, что в этих книгах жизнь Платонова, проходя мимо, остановился и поправил мягко, с непередаваемой сдержанностью: «Его страдания».

...Я счастлив, что знал Марию Александровну. Жизнь ее была целиком отдана судьбе Платонова.

«Платонов был на фронте, а как жили вы в эти годы?» — «Я прийду на Тошину могилу, лягу ничком и целый день лежу».

«Кожевников, писатель, такой старик (другой, не тот, который был Вадимом. — Е. О.), говорит мне недавно: «Ну что ты, Мария, раздуваешь Платонова?! Неразвившийся писатель». А дочка его симпатичная потом шепчет мне: «Мария Александровна, это он завидует».

«После смерти Андрея пришел: «Мария, выходи за меня, я оставлю семью». Потом генерал какой-то сватался еще, адмирал. Я всем отказывала». — «Почему?». — «Нет, Андрей обнимет как-то так, после него ВСЕ не то...»

Прелестная была женщина. Уже в старости сломала ногу в ступне, ступня напрочь отлетела, болталась на какой-то ерунде, ей ее кое-как приделали, дома ходила с палочкой, посмеиваясь. Мы с ее приятельницей, остроумной старухой, навещали ее еще в больнице, и та на все ее охи однажды добродушно заметила: «Мария Александровна, расплачивайтесь за свою красоту!» — «Какую красоту?», — тут же спросил я. — «У Марии Александровны всю жизнь была изысканная тонкая щиколотка, как рюмочка». — «Да, «красота», ну ее, нога болит...», — комично прохныкала на это Мария Александровна.

Была она из графского рода Шереметьевых. («А тетки мои были уже обедневшие дворяночки, учительницы скромные», — спокойно улыбалась она.)

Я много помню из сказанного ею, мне все дорого?

«Когда Тошеньку арестовали, вскоре пришел к Андрею Шолохов: «Андрей, я буду у Сталина просить за своего племянника-дурака, хочешь, я попрошу у него за Тошку?» — «Ну, что ж, проси», — говорит Андрей. А потом Шолохов нам рассказал, что когда он просил Сталина, тот вызвал Берию: «Зачем тебе этот мальчишка, отпусти его», — говорит ему Сталин. Берия что-то ответил — и тут они стали ругаться по-грузински матом. Ничего у Шолохова тогда не вышло».

«Позже он опять просил у Сталина, Тошу отпустили. Он вернулся из лагерей совсем больным, но успел еще жениться, очень красивый был. Платонов гуляет с ним по Тверскому, придет и говорит: «Мария, невозможно ходить — все оборачиваются, и бабы и мужики».

«Внук Сашка родился через месяц после смерти Тошеньки. За театром Красной Армии была больница, где Тоша лежал, зимой 43-го года меня вызвали врачи: «Мария Александровна, забирайте его, он умрет». Машины не было, Соболев дал мне бензину, я привезла Тошеньку домой и телеграммой вызвала Платонова с фронта».

Вдруг начинала сердиться: «Почему он написал, что сын умер на его руках?! Он умер на моих руках. Я сидела около него, мы говорили — и вдруг он мне сказал: «Мама, я сейчас тихо-тихо усну» — и стал холодеть, я закричала, быстро вошел Андрей, я повалилась перед Тошенькой на колени и стала целовать всего его...»

«Похоронили Тошу — и на другой день Платонов улетел на фронт».

«После войны Павленко привез из Германии много тряпок, я купила у него два хороших дорогих костюма для Андрея, темно-синий и коричневый, Андрей в них ходил всегда, они все истерлись, других больше не было, в коричневом я его и похоронила потом».

«За месяц до смерти за ним пришли трое молодцов из МГБ, забирать. Я показала им на него, истаявшего — «забирайте». Махнули рукой, ушли».

«К Андрею уже нельзя было приближаться, я сделала в его комнату высокий порожек, готовлю на кухне и посматриваю, а Сашка, внук, подползет, перелезть не может, смотрит на Андрея: «Пума, пума», а Андрей смотрит с тоской».

«Сашка жил у нас, они с Машенькой почти ровесники, Андрей очень тосковал, что ему нельзя их приласкать»...

За несколько дней до смерти я пришел к ней, почему-то со случайными людьми, один был художник, порисовал Марию Александровну. Мария Андреевна, оберегая ее, гнала нас сердито: «Уходите!», а Мария Александровна упрямо улыбалась: «Ничего, пусть». Люди ее никогда не утомляли. Была она невероятно добрым человеком. Я добрее ее никого не встречал в своей жизни. (Именно по доброте своей отпустила мне однажды обо мне же и моем знакомом такое замечание, которое я печатно никогда ни за что не решусь повторить.)

Только с нежностью всегда помню и вспоминаю Марию Александровну.

Прийти к ней просто так было невозможно: «Ой, я еще пирогов не напекла!» — «Да не нужны мне пироги, я вас хочу видеть». — «Нет, приходите завтра, я пирогов напеку».

...Без Марии Александровны не было бы Платонова. С удовольствием вспоминала: «Вернется домой пьяный, я уйду на кухню, отворачиваюсь, а он сядет на диван и зовет: «Мария, иди ко мне». Я не иду, обидно мне, что он пьяный опять. А он снимет ботинок с ноги: «Сейчас вот разобью это блюдо, если ты ко мне не придешь!» (над диваном у нас висело большое антикварное блюдо папино, мое любимое). «Бей», — говорю».

ГЕНИИ УМЕЮТ ВЫБИРАТЬ СЕБЕ ВДОВ.

«Фомин отвел от нее свой взор, но чувство его уже прельстилось образом этой женщины, и то чувство не стало затем считаться ни с его разумом, ни со спокойствием его духа, а пошло вразрез им, уводя человека к его счастью». Нет ничего выше во всей прозе XX века, а ведь это Платонов все про себя да про свою Марию.

До сих пор трудно поверить этому чуду, что он жил и вообще писал так в такое трудное время.